

Д. СТУРУА

Хрущев

<Фрагменты>

Впервые я увидел Хрущева в апреле 1960 года, в дни торжеств по поводу 40-летия Азербайджанской ССР. Я тогда работал помощником первого секретаря ЦК КП Грузии, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Василия Павловича Мжаванадзе.

Запомнился следующий эпизод. В один день пребывания Хрущева в Азербайджане всех гостей на быстроходных катерах повезли к «Нефтяным камням». Это место добычи нефти под водами Каспия. Плыли приблизительно три часа. Всё это время Хрущев, который был в отличном расположении духа, говорил и шутил беспрерывно. Между прочим, я обратил внимание на одну особенность Хрущева. Когда он молчал, слушая собеседника или во время чтения каких-либо бумаг, он как-то сникал, но когда начинал говорить сам, сразу же оживлялся, у него моментально проступал румянец, голос становился более зычным, металлическим; короче говоря, выступления, речи, доклады были его стихией. Это его совершенно не утомляло, наоборот, придавало ему новые силы. Вообще, это был очень здоровый, жизнерадостный человек, правда, очень импульсивный и неровный. От похвалы мог тут же перейти к ругани и разносу.

Приехал на «Нефтяные камни», а там оказался целый городок на сваях. Переходили от одного участка на другой довольно широкими мостами.

В одном месте скопилось много народу. Всем захотелось посмотреть на Хрущева, послушать, что он говорит. Начальник 9-го управления КГБ Николай Степанович Захаров — гигант в генеральском мундире — говорит помощникам и охране глав делегаций: «Ребята, держите цепь сплетенными руками, иначе и Никита Сергеевич, и мы все полетим в воду». Взялись за руки; справа от меня «личник» Хрущева полковник Литовченко, слева —

«личник» Мжаванадзе подполковник Чибурданидзе. Стараемся удержать лавину, устремившуюся к идущему по мосту прогулочным шагом Хрущеву и главам делегаций союзных республик. Барабанят нас по спинам безбожно, напирают изо всех сил. Чувствуем, скоро не выдержим, нас сомнут и накатятся на Хрущева с его свитой. Что есть силы кричу по-грузински, чтоб услышал Мжаванадзе: «Ускорьте шаг, быстрее идите к площадке, иначе окажемся все в воде!» Мжаванадзе услышал, обернулся, увидел, какая складывается ситуация, и быстро что-то сказал Хрущеву. Тот тоже обернулся, а потом прибавил ходу. У самой площадки разорвалась наша цепь. Захаров, возвышавшийся над толпой, загремел: «Стой на месте!» И, представьте, это возымело свое действие, люди остановились (после этого спина болела недели две).

Хрущев подошел поближе к застывшей толпе и крикнул: «Слава бакинским нефтяникам!» В ответ прошумело «уррааа!!» И Захаров, испугавшись, вновь приказал нам образовать цепь. Хрущев был в светло-сером костюме с каской на голове.

На сорокалетию Армянской ССР запомнилось следующее: на том месте доклада, где Хрущев говорил, что представители Армении успешно работают во всех уголках нашей страны, Хрущев оторвался от текста и сказал: «Куда ни поедешь, всюду яны. Зайдешь на завод, там ян, в колхозе — опять ян. Я уже не говорю о министерствах, ни одно министерство у нас без янов не обходится. Я как-то сказал Микояну (кстати, Анастас Иванович на этих торжествах не присутствовал): это ты, наверное, просовал повсюду армян». Участники торжественного заседания ответили на эту бестактную, хамскую шутку сдержанным смешком. Я сидел в ложе, где находились редакторы республиканских газет и тогдашний зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП Армении Аирьян, который после шутки Хрущева выдал отборную брань в его адрес на армянском языке.

* * *

12 мая 1961 года Хрущев прибыл в Тбилиси на 40-летие Грузинской ССР. Сюда же съехались руководители всех союзных республик и главы северокавказских автономных формирований.

Я не буду подробно описывать, как происходили торжества. Все это заинтересованный читатель может найти в прессе или в материалах кинохроники и телепередач. Только несколько эпизодов.

Никита Сергеевич посетил выставку достижений народного хозяйства Грузии.

Естественно, все преподносилось в розовом цвете, модно было подумать, что Грузия находится на пороге коммунизма. Плохо то,

что тогда все или почти все те, кто находился у кормила власти, считали такое положение нормальным. Хрущеву, который сам хотел жить при коммунизме и поставил задачу построить его к 1980-му году, вероятно, импонировали красочные макеты так и не осуществленных строек и прочая выставочная показуха.

Его подвели к роботу, сконструированному тбилисскими учеными и инженерами-конструкторами. Это был гвоздь программы пребывания Хрущева на выставке достижений народного хозяйства Грузии.

Вся соль была в том, что робот должен был выполнить какую-то задачу по приказу самого Хрущева. Никита Сергеевич дал этот приказ, но робот никак не отреагировал. Подскочили специалисты, приподняли шлем робота, повозились там минут пять-шесть, покрутили лампочки отошли в сторону. Хрущев вновь дал приказ, но робот и на этот раз «уклонился» от каких-либо действий. Хрущев чуть покраснел. Ему явно не нравилось все происходящее, но, как гость, он сдержался. Специалисты вновь поколдовали внутри железной утробы робота и так же молча отошли в сторону. Мжаванадзе и другие руководители напряглись, — неужели это проклятый робот и в третий раз не подаст признаков жизни? И зачем было прибегать к этому эффекту, ведь и без него все шло как по маслу. Робот осрамился и на этот раз, не сдвинулся с места, даже не извинился.

Хрущев побагровел, и буря должна была неминуемо разразиться, но положение спас президент Академии наук Грузии академик Николай Иванович Мухелишвили — выдающийся ученый и организатор науки. К счастью для руководства республики, он обладал чувством юмора, которое всегда выручает.

Николай Иванович обратился к Хрущеву со следующими словами: «Никита Сергеевич! Умоляю Вас, не обижайтесь на этого несчастного робота. Дело в том, что он выполняет любые задания, когда к нему обращаются с грузинским акцентом. А у Вас, Никита Сергеевич, грузинского акцента нет, вот потому он и стоит как истукан».

Все напряженно смотрели на Хрущева, примет он шутку или нет? Никита Сергеевич захохотал, тогда грохнули и все остальные. Когда Хрущев отошел от этого злополучного робота, все бросились обнимать Николая Ивановича.

Но буря разразилась в тот же день, вечером. Ужин был на цхнетской даче Мжаванадзе. Присутствовали только члены бюро ЦК Компартии Грузии.

Хрущев за ужином, так, между прочим, сказал, что строительство в Тбилиси ведется по-старинке, кирпичом, а надо переходить к крупноблочному строительству. Все члены бюро закивали го-

ловами, и только председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Георгий Самсонович Дзоценидзе не согласился с Хрущевым.

— Кирпич лучше блоков, Никита Сергеевич, у нас его любят больше.

Хрущев сразу же взорвался.

— Ну и академик ты (далее последовало нецензурное слово) ... Что ты понимаешь в крупноблочном строительстве? Это тебе не геология (Г. С. Дзоценидзе был выдающимся геологом, лауреатом Ленинской премии), — и пошел, и пошел. Георгий Самсонович был человеком самолюбивым, и ему стоило больших усилий не ответить на грубую выходку Хрущева.

После торжеств в Тбилиси Хрущев посетил Западную Грузию, Аджарию, а также виноградарские районы Кахетии.

В Телавском районе, в бывшем поместье выдающегося грузинского поэта, героя походов против наполеоновских полчищ — Александра Гарсевановича Чавчавадзе — состоялась встреча Хрущева с партийными и советскими руководителями, директорами совхозов, председателями колхозов, передовиками сельского хозяйства кахетинского региона.

Встреча происходила на лужайке роскошного цинандальского парка, за обильным столом.

Хрущев был в отличном настроении. Как обычно взял бразды правления в свои руки и стал наставлять кахетинцев, как они должны возделывать кукурузу.

— Кахетинцы-степняки! — гремел Никита Сергеевич. — Почему вы не возделываете кукурузу в низменности? Мне сказали, что виноградник хорошо идет на склонах, так возделывайте его в возвышенности, а в низменности — кукурузу.

Когда Хрущев произнес слово «на склонах», он протянул руку в сторону Цивгомборских гор. В Грузии каждый ребенок знает, что виноградная лоза в возвышенной местности не идет. Хрущева, видимо, сбили с толку разговоры о склонах. Действительно, на склоне низменности лоза хорошо плодоносит, так как влага не удерживается на одном месте и, таким образом, сахаристость винограда значительно выше, чем на плоской поверхности. Услышав слово «склоны», Хрущев подумал, что речь идет о склонах гор, потому-то и выдал кахетинцам такой несуразный совет. Кахетинцы переглянулись. В их взгляде просматривались недоумение, удивление, даже испуг. Но Мжаванадзе незаметным жестом успокоил их.

Здесь в Кахетии, я лично познакомился с Никитой Сергеевичем. Меня представил Василий Павлович Мжаванадзе. Услыхав мою

фамилию. Хрущев вспомнил моего отца, лестно отозвавшись о нем¹. Сказал, что неоднократно встречался с ним, в последний раз — на торжествах по случаю 30-летия установления Советской власти на Украине. Вспомнил Никита Сергеевич и моего старшего брата Мэлора, который сопровождал его в зарубежных поездках. <...>

* * *

Меня часто спрашивают — соответствует ли истине утверждение, что Хрущев хотел выселить всех грузин в Среднюю Азию. По этому поводу свидетельствую нижеследующее. Как-то вечером, — это было весной или летом 1962 года, — я засиделся допоздна в кабинете Мжаванадзе, говорили о том, о сем. Неожиданно зазвонил аппарат «ВЧ». Василий Павлович снял трубку. Через минуту он сильно побледнел, дал мне знак приблизиться и придал телефонной трубке такое положение, чтоб и мне было слышно, что говорили на другом конце провода. Я сразу же узнал зычный, металлический голос Хрущева (он находился в Пицунде).

— К туркам вам захотелось! — гремел Никита Сергеевич. — К Турции хотите присоединиться! — затем последовала череда отборной площадной брани.

Я шепотом сказал Мжаванадзе, чтоб он передал Хрущеву, что у грузин к туркам нет и не может быть никаких симпатий, что они веками истязали Грузию, отторгли у нее треть территории, что они физически уничтожали грузин. Мжаванадзе все это сказал Хрущеву, но напрасно...

— Вагоны подадим, выселим вас всех к чертовой матери! — и Хрущев бросил трубку.

Дело было в следующем. Оказывается, Хрущеву, отдыхающему на своей пицундской даче, показали адресованное ему письмо некоего корейца Юна, который якобы находился на лечении в курорте Цхалтубо. Этот мифический Юн сообщал Хрущеву, что из бесед с грузинами он сделал вывод, что грузины хотят присоединиться к Турции, и так далее, в том же духе. Юна я назвал мифическим потому, что такого человека в Цхалтубо не нашли, хотя ведомство генерал-полковника Алексея Николаевича Инаури тщательно прочесало весь Цхалтубо. Скорее всего, это была грубо состряпанная фальшивка, но почему Хрущев так бурно отреагировал на эту ерунду? И вообще, такого рода «откровения» помощники и референты отсеивают, как правило, не показывают своим шефам. А в этом случае кто-то со злым умыслом подсунул Никите Сергеевичу это письмо. Мне кажется, это сделал Лебедев. Этому человеку в Грузии ничего не нравилось, когда другие восторгались, он презрительно морщился.

...Мжаванадзе тоже положил трубку и спросил меня:
— Что будем делать?

Скажу откровенно, ни Мжаванадзе, ни я не поверили в реальность угрозы Хрущева. Ведь он сам неоднократно бичевал Сталина за то, что тот, говоря словами Александра Твардовского, «мог на целые народы обрушить свой верховный гнев»². И все же оставлять без активного протеста эту выходку Хрущева нельзя было ни в коем случае.

После короткого обмена мнениями решили лететь в Пицунду (было около десяти часов вечера). Мжаванадзе связался с начальником ГВФ Грузии Нанеишвили (генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, отличился под Сталинградом при бомбежке аэродрома Гумрак) и попросил его срочно подготовить правительственный «Як-40».

Ждем, обсуждаем, как выбить из головы Хрущева эту ерунду, как доказать ему, что у грузин нет намерения присоединиться к Турции. Сошлись на том, чтобы дать Хрущеву устную историческую справку о взаимоотношениях Грузии и Турции, в спокойной манере убедить Никиту Сергеевича, что письмо Юна — чистой воды вздор и провокация.

Вдруг снова зазвонил «ВЧ». Опять Хрущев. Мжаванадзе вновь дал мне знак, и «техника» слушания вдвоем повторилась. Хрущева как бы подменили. Спокойным тоном он сказал, что немного (!) погорячился, что письмо Юна выеденного яйца не стоит и т. д. и т. п. Впрочем, он все же сказал, что это злополучное письмо перешлет Мжаванадзе (оно и поныне хранится в партархиве ЦК КП Грузии). Затем Хрущев милостиво пригласил Василия Павловича погостить у него на Пицунде.

На следующий день в Пицунду вылетели Мжаванадзе, Инаури и автор этих строк.

Хрущев окончательно отошел, шутил, смеялся; о юновской стряпне — ни гу-гу. Тем более о выселении грузин. Мы тоже, естественно, эту тему не затрагивали.

Перед обедом Хрущев и Мжаванадзе плавали в знаменитом пицундском бассейне. Этот бассейн был замечателен кроме всех прочих великолепий тем, что при хорошей погоде нажатием кнопки стеклянная стена со стороны моря полностью раскрывалась, и создавалось полное впечатление, что плаваешь в открытом море (признаюсь и каюсь в том, что и мне посчастливилось раза два-три поплавать в этом чудо-бассейне).

Так вот, Хрущев и Мжаванадзе, опоясанные пробковыми спасательными кругами, плавают в знаменитом пицундском бассейне и о чем-то мирно беседуют. У бассейна на плетеных стульях сидят

«личник» Хрущева Литовченко, генерал из 9-го управления КГБ Волков, Лебедев, Инаури, Чибурданидзе и автор этих строк. Наша беседа протекает также мирно, но осторожно.

Ближе к трем часам прибегает огромный Захаров и говорит Хрущеву:

— Никита Сергеевич, Морис Торез с супругой уже вышли из своей резиденции и идут сюда.

А эта резиденция находится от бассейна, если не ошибаюсь, на расстоянии пятиста-шестиста шагов. Василий Павлович вышел из бассейна — и в раздевалку, а Хрущев хоть бы хны, плавает со своим пробковым кругом, словно не слышал слов Захарова.

Через несколько минут показались Морис Торез с супругой. Руководитель французских коммунистов — в светлом летнем костюме с бабочкой вместо галстука, супруга тоже в легком элегантном платье. Торез с палочкой.

Захаров с тревогой в голосе говорит Хрущеву:

— Никита Сергеевич, Торез с супругой уже здесь.

Наконец Хрущев вылез из воды. На нем были длинные черные сатиновые трусы, такие у нас в Грузии называют «поханами», и, не снимая круга, весь мокрый, двинулся по направлению к Морису Торезу и его супруге; «поханы» прилипли к брюшку и чреслам Никиты Сергеевича. Короче говоря, картина была экстраординарная, как говорится, и смех, и грех. За мокрым Хрущевым сгорая от стыда и чувства неловкости, двинулись все остальные, в первую очередь успевший переодеться Мжаванадзе.

Когда Морис Торез и его супруга — подтянутые и элегантные — увидели надвигавшегося на них Хрущева с мокрыми сатиновыми трусами и пробковым кругом, они от неожиданности вздрогнули, вероятно, не веря собственным глазам. Но когда это колоритное «видение» поздоровалось с ними за руку, они, наконец, поняли, что это наваждение не сон, а реальность.

Хрущев велел принести три складных полотняных стула, с помощью Литовченко избавился, наконец, от пробкового круга. И все трое опустили в шезлонги.

Лично на меня все это произвело угнетающее впечатление. На Мжаванадзе и Инаури тоже. Что касается «команды» Хрущева, то она восприняла эту сцену без восторгов, но спокойно. Надо полагать, что они видели кое-что похлеще.

На этом, как говорится, инцидент был исчерпан. На второй день мы вылетели в Тбилиси, а через день-два фельдсвязью получили состряпанную мифическим корейцем Юном кляузу на грузинский народ. Письмо было взято на контроль, и мне пришлось писать ответ на эту чепуху.

Впрочем, это «вагоны подадим!» повторилось еще один раз. Дело было в следующем. Как-то в Тбилиси приехал знаменитый джаз-оркестр прославленного американского музыканта Бенни Гудмана³. В первом отделении были исполнены известное «Полюшко-поле» и не менее известная «Катюша». «Полюшко-поле» исполнял оркестр мастерски и заслужил аплодисменты, а «Катюшу» исполняла какая-то не очень талантливая певица, которая безбожно коверкала русские слова и вообще держалась развязно, если не больше. Ее освистали.

Какой-то подлец написал Хрущеву, что в Грузии освистали песню за то, что она, мол, русская. Это было гнусной ложью. Ведь «Полюшко-поле» было встречено аплодисментами. Освистали не песню, а исполнение. Короче говоря, Хрущев опять позвонил Мжаванадзе (я в этот раз, слава богу, не был в кабинете Василия Павловича, он мне рассказал все после разговора с Хрущевым), раскричался и вновь пригрозил «подам вагоны». Но все дело было в том, что вагон самого Хрущева уже приближался к тупику истории...

* * *

Никита Сергеевич Хрущев дважды встречался с широким кругом творческой интеллигенции. Цель этих встреч, на мой взгляд, была приблизить и приручить деятелей литературы и искусства, которые после хрущевской «оттепели» «осмелели» и стали постепенно выходить из-под контроля партии. Хрущев инстинктивно понимал, что начался серьезный и глубокий процесс сбрасывания оков, что джин[н] наполовину вышел из бутылки и что загнать его обратно — дело сложное, но он думал, что этого хотя бы частично можно добиться.

На второй встрече Хрущев вначале был настроен на миролюбивый лад. Чувствовалось влияние его зятя, безусловно, талантливого, прогрессивного журналиста Алексея Ивановича Аджубея, которого я хорошо знал с университетских лет. Именно в Московском государственном университете родилось очень характерное двустишие: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей». Автор — если я не ошибаюсь, тогдашний ответственный секретарь газеты «Московский университет» Сима Гуревич. Возможно, на Хрущева в этом плане положительно влияли и его дети — Рада и Сергей, люди вполне интеллигентные. Первая встреча с творческой интеллигенцией, так же как и посещение выставки абстракционистов, прошла, мягко говоря, не совсем удачно, особенно посещение выставки, когда Хрущев всю крыл несчастных абстракционистов, называя их гомосексуалистами и все в таком же духе.

Вторая встреча должна была по идее скрасить предыдущие неудачные контакты с представителями творческой интеллигенции, но в то же самое время показать, что партия не собирается отказываться от своей руководящей и направляющей роли в творческом процессе.

В делегации из Грузии, которую возглавлял я как секретарь ЦК, находились председатель правления Союза советских писателей Грузии поэт академик Ираклий Абашидзе, председатель правления Союза композиторов Александр Мачавариани, первый секретарь правления Союза художников Зураб Лежава и председатель правления театрального общества Додо Антадзе.

Встреча началась в огромном банкетном зале Дома приемов на Ленинских горах. Накрыт был поистине роскошный стол. Когда деятели литературы и искусства расселись на заранее указанные места, вошли члены Президиума ЦК КПСС во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Хрущева встретили тепло, но довольно сдержанно, что, конечно не ускользнуло от Никиты Сергеевича, и он моментальноотреагировал:

— Давайте пока поужинаем как следует. Когда человек хорошо поест, у него появится ясность в мыслях.

После такого многообещающего начала деятели литературы и искусства приступили к ужину. Я обратил внимание на то, что на столе было сухое вино в ограниченном количестве, а коньяка и водки не было вовсе. Между прочим, это правильно, так как наши люди порой не знают меры. Я помню, как в Георгиевском зале Кремля в мае 1962 года состоялся прием в честь 50-летия «Правды». Мой брат Мэлор и я были на этом приеме, тогда нас обоих наградили орденами Трудового Красного Знамени. Гости-журналисты пили очень много, в основном водку. Кое-кто грохался на пол, некоторые засыпали за столом. Короче, картина была не из приятных. Как можно напиваться на официальном приеме? То же самое было на приеме у советского посла в Финляндии. И финны, и наши сограждане так перебрали, что их приходилось развозить по домам и гостиницам.

Но вернемся к основному повествованию.

В тот вечер не было ничего запоминающегося: основной разговор должен был состояться на следующий день, в Свердловском зале Кремля, где обычно проходили заседания пленумов ЦК КПСС.

Единственное, что запомнилось в тот вечер, это выступление с места Ильи Григорьевича Эренбурга, который несколько раз повторил, что он очень боялся Сталина. Напротив нас сидел Михаил Александрович Шолохов, который во время выступления

Эренбурга презрительно щурился, а потом что-то сказал своему соседу, очевидно, нечто нелестное в адрес Ильи Григорьевича. Они почему-то терпеть не могли друг друга.

На следующий день все мы собрались в Свердловском зале Кремля. Вначале все шло спокойно. Хрущев, судя по репликам, был настроен миролюбиво и даже благодушно. Выступления представителей интеллигенции были вполне лояльными — поругивали усопших и изгнанных из храма, похваливали ныне здравствующих, тех, кто был на коне, говорили, что «оттепель» должна углубляться, что надо быть ближе к народу, его нуждам и т. д. и т. п.

Под занавес заседаний первого дня в Свердловском зале плавный ход встречи резко нарушила писательница Ванда Василевская. Она процитировала отдельные места из выступлений Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского за рубежом⁴. По сегодняшним меркам, в этих интервью западным журналистам не было ничего крамольного, но тогда Хрущев и его команда восприняли эти слова молодых поэтов как выпад против существующего в нашей стране режима. Хрущев насупился, покраснел, но сдержался.

На следующее утро Хрущева как бы подменили. Приветливая улыбка исчезла с лица, он был явно не в духе. Его соратники также посуровели.

Хрущев открыл утреннее заседание следующими словами:

— Агентов иностранных государств попрошу выйти из зала. Можете сделать это незаметно, как бы удаляетесь в уборную.

Эти слова потрясли всех нас, особенно, естественно, молодых деятелей литературы и искусства. Давно не было слышно таких слов, как агенты, шпионы, враги народа и т. д. И вдруг человек, который осудил все это, вынес смертный приговор нарушениям социалистической законности, сталинским репрессиям, сам пользуется этой жуткой терминологией. Это было невероятно. Зал замер.

Хрущев вновь повторил свое требование, чтобы агенты иностранных государств покинули зал. Само собой разумеется, что никто не сдвинулся с места.

— Вы что, — гремел Никита Сергеевич, — правда думаете, что мы сталинскую артиллерию выбросили? Нет! Мы ее слегка прикрыли брезентом. Когда будет нужно, мы этот брезент уберем и откроем огонь!

Как же это так, Никита Сергеевич Хрущев, сокрушивший культ личности Сталина, широко распахнувший ворота лагерей, осудивший сталинские репрессии, угрожает экзекуциями творческой интеллигенции? Это непостижимо, но факт.

И далее, что ни слово, то угроза. Никита Сергеевич весь побавровел от напряжения. Ираклий Абашидзе шепчет мне на ухо: «А если его вдруг хватит удар?»

Неожиданно Хрущев протягивает в мою сторону руку и все в таком же, мягко говоря, повышенном тоне произносит:

— А ты, в очках, что там нагнул голову, что тебе не нравится в моих словах?

Думаю: неужели он обращается ко мне? Я действительно в очках и голова опущена, так как стенографирую выступление Хрущева. Как быть?

— Тебе говорят, что там нагнул голову?

Я говорю Ираклию Абашидзе: может, встать и сказать, что я записываю Вашу речь, и моя голова опущена по этой причине.

— Подождем, — шепнул в ответ Ираклий Виссарионович. В это время Шелепин добавляет:

— Да, да, вот ты, в красном свитере, как индюк, а ну-ка поднимись!

Наконец я вздохнул с облегчением — на мне не было никакого свитера.

В конце концов поднялся сидевший как раз передо мной молодой человек в очках и застыл на месте.

— А ну-ка, выходи на трибуну! — приказал Хрущев. Молодой человек в полной растерянности взошел на трибуну.

— Твоя фамилия?! — спросил Хрущев.

— Голицын, — ответил молодой человек

— Ага, князь! — сказал Хрущев.

— Моего отца репрессировали в тридцать седьмом году, — тихо произнес юноша⁵.

— Ну и что? Разве я его репрессировал?!

— Нет, Вы его реабилитировали.

— То-то. Ну, говори!

— Хотите, я прочту Вам стихи Маяковского?

— Нет!

Близкий к полной прострации Голицын ползлелся на свое место.

Я думаю, что этот злополучный Голицын обратил внимание Хрущева и Шелепина не тем, что он был в красном свитере, носил очки и сидел с опущенной головой. Видимо, гневные тирады Хрущева вызвали в нем отрицательные эмоции, что красноречиво отразилось на его лице, а, может, он и усмехнулся презрительно. Короче говоря, наметанный глаз Хрущева уловил негативную реакцию юноши на свои слова, потому он и отреагировал таким образом.

Дальше все шло в таком же духе. Хрущев никому не давал говорить, перебивал ораторов, нес несусветный вздор.

Почему-то вспомнил фильм Марлена Хуциева «Застава Ильича»⁶, в частности, тот эпизод, когда сын обращается к тени погибшего на фронте отца с вопросом: скажи, как мне быть? На что получает ответ: не знаю, я ведь младше тебя.

— Отец не отвечает сыну на вопрос, как ему быть?! — шумел Никита Сергеевич. — Разве бывает так, что отец отказывается дать совет собственному сыну? Даже животное, дикий зверь, не откажет в совете своему детенышу, не то что человек!

Стыдно было слушать все это. Как говорится, и смех, и грех.

Музыкантово ошарашил сентенцией по поводу того, что додекафония — это та же самая какофония и т. д. и т. п.

Слово дали Андрею Вознесенскому. Хрущев нахохлился, подготовился к очередной тираде.

Андрей, тогда еще молодой, но уже всемирно известный поэт, начал свое выступление следующим образом:

— Как и мой великий учитель Владимир Маяковский, я не являюсь членом партии, но...

Но Хрущев тут же перебил его словами:

— А я коммунист. И горжусь этим! Что ты похваляешься тем, что не являешься членом партии?

И пошел, и пошел...

Очевидно, Андрей хотел сказать далее, что, правда, он не член партии, но его творчество, как и наследие Владимира Маяковского, посвящено народу, родной стране, человеку, но ему не дали закончить эту мысль. В целом эта встреча произвела тягостное впечатление. Со сталинской артиллерии, правда, не полностью, но все же чуть откинули брезент и обнажили угрожающие жерла. Хрущев, выступивший решительно против культа личности Сталина, оставался во многом истым сталинистом, продуктом своей жестокой эпохи.

В этом человеке ключом была энергия, чувствовалась крестьянская хватка, но у него не было ни таланта, ни интеллигентности, ни хитрости, чтобы скрывать свои недостатки.

Впоследствии Аджубей постарался сгладить неприятное впечатление, произведенное Хрущевым на творческую интеллигенцию.

Он организовал в Пицунде читку поэмы Александра Твардовского «Теркин на том свете» — острый памфлет на советскую действительность. Читал Хрущеву сам автор. Не знаю, понравилась Никите Сергеевичу эта поэма или нет, но впоследствии она была опубликована⁷.

* * *

Часто пишут и говорят, что Хрущева свергли сталинисты которые хотели покончить с «оттепелью», демократизацией и вернуться к старым порядкам. Думаю, что это не совсем так, а быть

может, и вовсе не так. Какова была демократия по-хрущевски, мы увидели выше. Добавим к написанному то, как при Хрущеве, естественно, с его согласия, затравили гениального русского поэта Бориса Пастернака. Чего стоит хотя бы хамское выступление Семичастного против Бориса Леонидовича⁸. Я уверен, останься Хрущев на своих постах, он наломал бы еще много дров, причем таких дров, на которых не разведешь костра демократии. Хрущев откровенно и быстро шел вправо, ему хотелось повластвовать вволю, на манер Сталина. Подражая ему, он, будучи первым секретарем ЦК КПСС, занял и пост председателя Совета Министров СССР. Он стал нетерпимым и капризным. От его бездумных экспериментов партию и страну лихорадило. Он остыл к своим ближайшим соратникам, которые помогли ему справиться с Берия, с так называемой антипартийной группой, с Жуковым. Не исключено, что он обновил бы основательно состав Президиума ЦК КПСС.

Жизненные условия советского народа постоянно ухудшались. Дело дошло до того, что в последний год правления Хрущева стали продавать хлеб, выпеченный наполовину из ячменя.

Во внешней политике «миротворец» Хрущев потерпел полное фиаско. Карибский кризис поставил мир на грань мировой термоядерной катастрофы. Эти провалы усугублялись комедиантскими выходками Хрущева на различных международных форумах. Чего стоит, например, стучание башмаком по столу в зале заседаний ООН или показывание кукиша представителю, кажется, Испании там же.

В национальной политике Хрущев напутал изрядно. Создал Забюро и Средазбюро⁹. Грозился ликвидировать республики, образовать экономические регионы и т. д. При нем получила размах кампания по пропаганде слияния языков. И чего еще только не вспомнишь?

Короче говоря, Хрущев стал невыносимым. В партии, да и в народе в целом зрело недовольство.

О самомнении Хрущева, между прочим, говорит и тот факт, что он очень легкомысленно отнесся к серьезным сигналам, свидетельствовавшим, что над его головой сгущаются тучи. Об этом хорошо сказано в воспоминаниях сына Хрущева — Сергея Никитовича, опубликованных в журнале «Огонек» под общим заголовком «Пенсионер союзного значения». Хрущев получил информацию из разных источников, но он не верил, точнее, не хотел верить в то, что кто-нибудь посмеет выступить против него. Он доверял полностью министру обороны СССР маршалу Малиновскому и председателю КГБ Семичастному, другу его зятя Алексея Аджубея.

О низвержении Хрущева написано очень много и у нас, и за рубежом. В этих зачастую некомпетентных материалах много пута-

ницы и вымыслов. Пишут, например, что инициатором и главой «заговора» против Хрущева был Сулов. Большинство авторов считает, что организаторами «заговора» были Брежнев и Подгорный. Все эти утверждения ошибочны. Сулову сообщили о готовящейся акции в самый последний момент, и он сильно колебался.

Что же касается Л. И. Брежнева, он был слишком слабовольным и бесхребетным, чтоб затеять такое, столь рискованное дело.

Инициатором и организатором низвержения Хрущева был Александр Шелепин, «железный Шурик», как его называли в комсомоле и в партии. Получив согласие Брежнева, который вначале страшно перепугался, но потом пришел в себя и активно включился в «заговор», «железный Шурик» стал обрабатывать членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС, а также своего друга, председателя КГБ Семичастного (Малиновскому сказали все уже на заседании Президиума ЦК, когда Никита Сергеевич и Анастас Иванович были в воздухе, летели из Пицунды в Москву. Малиновский коротко ответил, что он примет любое решение Президиума ЦК КПСС). Все эти сведения, о которых я писал выше, получены непосредственно от Василия Павловича Мжаванадзе, который был активным членом антихрущевской группы.

Месяцев за семь до октябрьского Пленума ЦК КПСС мы проводили обычный плановый Пленум ЦК КП Грузии, я даже не помню, по какому вопросу. Неожиданно мы узнали, что в работе Пленума примет участие член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК Александр Шелепин. Все мы насторожились, к чему бы это?

Шелепин — это было заметно — не проявлял особого интереса к работе Пленума. В обеденный перерыв Шелепин со своим помощником и члены бюро ЦК Компартии Грузии отправились в крцанисскую резиденцию, чтоб там перекусить. Помощник Шелепина (его имени и фамилии я не записал, потому и не помню), долговязый молодой человек, был очень непосредственным и чуть странноватым. К своему патрону относился чуть ли не снисходительно, что очень забавляло «железного Шурика». За обедом помощник беспрерывно шутил, не всегда удачно. Имитировал Сталина, что, видимо, очень нравилось Шелепину, хотя имитация была не очень высокого качества.

После окончания заседания Пленума Шелепин поехал по городу, осмотрел новостройки, посетил музей искусств, исторический музей, а затем в сопровождении Мжаванадзе, Инаури и моем направился в крцанисскую резиденцию. Шелепин должен был вылететь в Москву утром следующего дня.

Попрощавшись с нами, Шелепин сказал Мжаванадзе:

— Заходите, Василий Павлович, на минутку, попьем чаю.

Василий Павлович велел мне подождать его и пошел в резиденцию. Инаури сел в свою машину и уехал. Прошло минут тридцать, затем час; Василия Павловича не видно. Прошло два часа. Я насторожился еще больше; убедился, что «железный Шурик» залетел к нам неспроста. Короче говоря, Василий Павлович вышел из резиденции в четыре часа утра, крайне возбужденный. Едем из Крцаниси в город. Мжаванадзе молчит всю дорогу. Когда мы подъехали к его особняку, он предложил мне зайти к нему.

Стали прогуливаться в небольшом садике перед домом. Молчим минут пять. Наконец, Василий Павлович не выдерживает:

— Знаешь, зачем он приехал? Большинство членов Президиума ЦК КПСС настроены против Хрущева и собираются сместить его с занимаемых постов. Я принял нелегкое решение присоединиться к ним. Что ты скажешь на это?

— Прежде чем высказать свое мнение по поводу вашего решения, я хочу сказать, что Вы напрасно все это сказали мне. Я не должен был знать об этом. Я близок к Микояну, Аджубею, а что, если из-за карьеристских соображений я поставлю их в известность?

— Во-первых, я тебя знаю не один год и доверяю тебе. Во-вторых, я знаю твое отношение к Хрущеву.

— И все-таки Вы не должны были говорить мне все это. Об одном прошу Вас: ни в коем случае никому не говорите об этом, даже самым близким Вам людям.

— Да-да, конечно, — как-то неуверенно произнес Василий Павлович.

На следующее утро с покрасневшими от бессонной ночи глазами Мжаванадзе, Инаури и я провожали Шелепина. Был сильный ветер, но самолет все же улетел.

* * *

Тяжелыми были эти семь месяцев до октябряского (1964 года) Пленума ЦК КПСС. Меня раздирали противоречивые чувства. С точки зрения политики и особенно нравственности правильно я поступаю или нет, что скрываю этот фактически заговор против Хрущева? Кстати, Василий Павлович, видимо, так и не сдержал своего обещания хранить в тайне сговор против Хрущева. Буквально через несколько дней узкий круг людей знал, что Хрущева собираются сместить с занимаемых постов. Знал об этом, например, секретарь ЦК КП Грузии Ш. И. Чануквадзе и некоторые другие. Естественно, в курсе всех этих событий был председатель КГБ Грузии генерал-полковник Алексей Николаевич Инаури.

Как убедился читатель, автор этих строк не питал особых симпатий к Н. С. Хрущеву, хотя и признавал за ним заслугу, состо-

явшую в разоблачении культа личности Сталина и реабилитации невинно пострадавших.

После недолгих колебаний я твердо решил никому не говорить об этой тайне. В. П. Мжаванадзе время от времени изливал мне свою душу, сообщал различные подробности этой акции. Это и дает мне основание быть столь категоричным в приведенных выше рассуждениях по поводу того, кто играл в этом деле первую скрипку и кто — вторую.

Сразу же после завершения работы октябрьского Пленума ЦК КПСС В. П. Мжаванадзе поручил мне вылететь из Москвы в Тбилиси на его личном самолете и проинформировать членов бюро ЦК КП Грузии о решениях Пленума.

В Тбилиси я прилетел поздно вечером. Стал обзванивать членов бюро ЦК, просить собраться у второго секретаря ЦК КП Грузии П. А. Родионова, который, кстати, был в полном неведении о происходящем. Члены бюро ЦК, которые ничего не знали, отнеслись к моей информации настороженно, не кроется ли за этим сообщением какая-нибудь каверза?

Подозрительность членов бюро ЦК усилилась, когда на следующий день в центральной и местной печати не было никаких сообщений о Пленуме ЦК КПСС. Я тоже забеспокоился. Неужели, думаю, Никита Сергеевич и на этот раз выкрутился?

Но уже на следующий день газеты вышли с информационным сообщением о Пленуме ЦК КПСС, об освобождении Н. С. Хрущева с постов первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Так завершилось «славное десятилетие» правления Никиты Сергеевича Хрущева.

